
ЭТНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК АТРИБУТ КУЛЬТУРЫ

М.С. Шайкемелев

Прежде чем раскрывать тему настоящей статьи, необходимо остановиться на сущности ценностей и ценностного отношения человека к миру, так как данный вопрос продолжает оставаться дискуссионным.

Как известно, впервые феномен ценности был специально обозначен немецким философом и физиологом Р. Г. Лотце (1817 – 1881) в его сочинении «Логика» (1874 г.). Лотце провёл строгое различие между бытием вещи и значимостью её смыслового содержания и ценности. Однако в эксплицитной форме проблема ценностей была поставлена и по-своему решена представителями Баденской (Фрейбургской) школы неокантианства, прежде всего В. Виндельбандом и Г. Риккертом. С тех пор проблема ценностей стала одной из философских проблем. И, разумеется, появились самые разные к ней подходы и её решения. Наиболее интересными можно отметить трактовки М. Шелера, Н. фон Гартмана, Д. фон Гильдебранда, русского философа Н. О. Лосского и др.

Ситуацию с проблемой ценностей на начало 30-х годов XX в. очень чётко охарактеризовал Н. О. Лосский в своей книге «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» (1931 г.). «Одни, – писал он, – выводят ценностный аспект мира из индивидуально-психических переживаний, другие из *непсихических* факторов; одни считают ценности *субъективными*, другие – *объективными*; одни утверждают *относительность* всех ценностей, другие настаивают на существовании также и *абсолютных* ценностей; одни говорят, что ценность есть *отношение*, другие – что ценность есть *качество*; одни считают ценности *идеальными*, другие – *реальными*, третьи – не идеальными, но и не реальными. . . Не будем, однако, отчаиваться, – разъяснял он: – как ни различны эти теории, каждая из них учитывает какую-либо сторону ценности, и задача нашего исследования будет состоять в том, чтобы найти место каждого элемента ценности в полной теории, которая не только ответила бы на вопрос, что такое ценность, но ещё и объяснила бы, как возможно такое множество столь разнородных теорий» /1, с. 255/. Примерно то же может сказать и сегодня тот, кто намерен заняться выяснением сущности ценностей.

В бывшей советской философии проблема ценностей стала обсуждаться с начала 1960-х годов. Первой была книга ленинградского философа В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры». Через пять лет вышла его монография «Проблема ценностей в марксистской философии».

С этого времени развернулась дискуссия, основным вопросом которой был не столько вопрос о сущности ценностей, сколько вопрос о том, совместимо ли учение о ценностях (аксиология) с марксистско-ленинской философией. Высказывались самые разные точки зрения, в том числе и взаимоисключающие. Несколько особую позицию занял известный этик О. Г. Дробницкий. Он упрекнул своих коллег-философов в том, что они «с завидной последовательностью отказываются учесть историко-философский опыт и начинают построение теории ценности как бы на пустом месте, исходя из непосредственного обобщения “всем известных фактов”, будто урок буржуазной аксиологии ни о чём не говорит» /2, с. 7/.

Сам О. Г. Дробницкий не отрицал объективного существования ценностей, ценностного отношения и ценностного сознания. Более того, он считал необходимым и дальнейшее исследование феномена ценностей. Однако – и в этом суть его позиции – он полагал, что всё это – достояние обыденной жизнедеятельности и обыденного сознания. Но как только мы переходим на уровень научно-теоретического и философского анализа, мы по необходимости должны оставить ценностную позицию. Поэтому, писал он, «проблема ценности в том виде, как она была поставлена философами прошлого и выдвигается вновь сторонниками аксиологии, представляет собой *мнимую* проблему» /3, с. 289/. Поэтому, делал он вывод, «*в нашей* (т.е. марксистской. – М. Ш.) *философии не может быть никакой особой проблемы ценностей, дополняющей науку*» /3, с. 226/.

Однако со временем острота дискуссии притупилась и обсуждение проблемы ценностей продолжалось уже более спокойно. Появились новые подходы и новые трактовки. В постсоветской философии проблема продолжает обсуждаться. В современной казахстанской философии данной проблемой занимаются, в частности, К. А. Абишев и З. Н. Сарсенбаева.

Обратимся к некоторым характеристикам феномена ценности. Упомянувшийся и цитировавшийся выше О. Г. Дробницкий определяет ценность как «философское и социологическое понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности, или ценности сознания)» /4, с. 462/. Надо сказать, что данное определение довольно непонятно, ибо положительная или отрицательная значимость объекта, во-первых, является экзистенциальной его характеристикой, ибо в качестве таковой она присуща ему *не сама по себе*, а лишь *для человека*. Во-вторых, именно в качестве таковой данная характеристика выступает и в качестве элемента сознания. Следовательно, при такой трактовке ценности нет смысла разделять ценности на предметные и субъектные.

Приведём другое понимание. Согласно Д. А. Леонтьеву, «ценность» – это «термин, широко используемый в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определённых явлений действительности» /5, с. 732/. Здесь мы имеем предельно *абстрактное* определение, так как человечески, социально и культурно значимым может быть что угодно, а кроме того, Д. А. Леонтьев не учитывает факта существования *отрицательных* ценностей. Согласно ещё одному автору, В. К. Шохину, ценность – «одна из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, “атомарные” составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности – в единстве предметов её устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего “достояния” в тайниках сердца (аспект прошлого), – которые конституируют её внутренний мир как “уникально-субъективное бытие”» /6, с. 320 – 321/. Неудовлетворительность такой трактовки очевидна, поскольку автор загоняет ценность в субъективный мир личности, а во-вторых, *иррационализует* её. Получается, что человек не может ценностно ориентироваться на рациональном уровне.

Следовательно, приведённые трактовки сущности ценности не могут быть признаны приемлемыми. Обратимся к тем авторам, позиции которых представляются нам релевантными и обоснованными. Обратимся к российскому философу М. А. Розову. Он приводит известную притчу о строительстве в Средние века собора в г. Шартре: «Спросили трёх человек, каждый из которых катил тачку с камнями, что они делают. Первый пробормотал: “Тачку тяжёлую качу, пропади она пропадом”. Второй сказал: “Зарабатываю хлеб семье”. А третий ответил с гордостью: “Я строю Шартрский собор!”» /7, с. 5/.

М. А. Розов комментирует данную притчу следующим образом: «Нам здесь важно следующее. У каждого из опрошенных мы наблюдаем один и тот же набор действий. Иными словами, с точки зрения физики или физиологии они делают одно и то же. Однако деятельности их существенно различны, ибо различны цели и лежащие в их основе ценностные ориентации. Кстати, собор, несомненно, можно выстроить, используя труд людей как первого, так и второго типа, хотя они и не ставят перед собой такой цели. В равной мере и хлеб семье зарабатывают, вероятно, все трое. Это значит, что общими для них являются не только действия, которые мы непосредственно наблюдаем, но и отдалённые последствия этих действий. Специфично для каждого только рефлексивное осознание того, что делается. Рефлексия как бы окрашивает последствия действий в разные цвета так, что один выделяется, а другие теряются на общем фоне. “Окраска” в данном случае – оценка» /7, с. 5/.

Данный пример и данный комментарий к нему хорошо раскрывают сущность субъективной стороны ценностного отношения, а именно *оценку* участниками строительства собора своей деятельности в контексте данного мероприятия. Но здесь не раскрывается сущность ценности как таковой, ибо *ценность* и *оценка* – суть не одно и то же: оценка есть лишь *установление соответствия* чего-либо ценности.

И тут мы должны обратиться к выделенным Г. С. Батищевым уровням «полям» в бытии человека. Это «следующие три поля:

а) *поле полезностей*, которому соответствует наделенное самостоятельностью поле субъект-объектных отношений и *логика окончивания*;

б) *поле устремленностей*, в котором объектные отношения снимаются более конкретными междусубъектными, раскрытыми в беспредельность;

в) *поле созидания* самих бесконечных устремлённостей, или собственно творчества как космического универсального, бытийственного соавторствования» /8, с. 120/. Г. С. Батищев следующим образом разъясняет смысл и статус этих «полей»: «В поле полезностей субъект выступает как субъект потребностей, как обладатель своего масштаба, резюмирующего кодекс требований, предъявляемых им к миру как к миру объектному: он живет здесь с вектором к себе как конечному и окончивающему собою бытие. Всё остальное – только средство своих целей. [...] Однако поставленное на своё надлежащее место, поле полезностей есть всего лишь подчинённый момент высших полей созидательства. [...] В поле бесконечных устремленностей субъект выступает как такой субъект, для которого даже самая огромная величина полезностей не имеет силы влияния на него сравнительно с ценностным и целевым качеством направленности: от себя к бесконечным точкам, или идеалам, созидательства. [...] Наконец, только в поле созидания самих бесконечных устремлённостей субъект восходит к абсолютной проблематизации мира, ибо он восходит к полной проблематизации самого себя и отрывается не только от всякого *своецентризма*, а и от всякой ценностной пред-избранности отношения к миру» /8, с. 120 – 121/.

В свете данного рассуждения ценность выглядит как объективный над-полезностный феномен, *нередуцируемый* к полезности. Полезность как таковая соответствует некоторой *потребности*, поэтому А. А. Хамидов говорит о потребностно-полезностном отношении человека к действительности. Ценность же – это то, что не потребляется, а то к чему человек *устремляется*. «К ценности, – отмечает А. А. Хамидов, – стремятся, *ею* измеряют себя и действительность, к ценностям *приобщаются*, а не подчиняют их себе, как это обстоит с полезностями» /9, с. 58/. Человек и мир его культуры устроен гармонически тогда, когда уровень полезностей подчинён уровню ценностей, а оба они – уровню созидания.

Когда первые два уровня выходят за границы своей уместности, тогда гармония нарушается. Абсолютизация уровня полезностей приводит к тому, что они начинают распространяться и на мир ценностей, утверждается принцип утилитаризма и потребительства. Когда абсолютизируется уровень ценностей, то картина выглядит несколько иначе. В том или ином социуме существуют различные конкретные (и, следовательно, *конечные*) ценности, которые могут «исповедоваться» разными индивидами или группами. Абсолютизация ценностей – это абсолютизация конкретных – «своих!» – ценностей. «Здесь-то, – пишет А. А. Хамидов, – и возникает деление на *своих* и *чужих*, исповедующих “мои” (“наши”) и “не мои” (“не наши”) ценности. При возведении данного (т.е. ценностного. – М. Ш.) уровня в ранг единственного или высшего существует угроза появления *фанатизма*. . . Ценностный своецентризм рождает нетерпимость к иным ценностям и приверженцам этих ценностей» /9, с. 59/. Н. фон Гартман говорит о том, что «не личность конституирует ценности, но ценности конституируют личность» /11, с. 187/. Выходит что ценности – это то, *ради чего* человек или общность существуют, то это и есть ненамеренная абсолютизация уровня ценностей, есть – в пределе – выражение ценностного *фетишизма*. Конечно, тот или иной конкретный индивид, рождаясь и социализуясь, застаёт определённые ценности, к которым он приобщается через посредство отношений с другими людьми, и в этом смысле ценности оказывают влияние на формирование его личности. Но как таковые ценности создаются, изменяются или заменяются людьми (предшествующими поколениями); данный индивид – в зависимости от уровня своей развитости – может участвовать в изменении существующих ценностей, а то и в создании новых.

Сфера ценностей определённым образом упорядочена, существует иерархия ценностей: одни занимают в ней более низкие позиции, другие – более высокие, вплоть до абсолютных, или безусловных, ценностей (именуемых также сверхценностями). Н. фон Гартман пишет: «Каждая личность, каждый человеческий характер полны ценностным содержанием. . . Человек – это мир в малом, и не только как особая структура бытия, но и как особая ценностная структура» /11, с. 96/. «Они, – пишет К. А. Абишев, – определяют, т.е. пронизывают собой, социальные отношения индивидов и всю их деятельность. . .» /12, с. 208/. Существуют, разумеется, не только индивидуальные, но и общностные ценности, организованные в конкретную систему. Одной из общностей, издавна существовавших в человеческой истории, является *этнос*. Следовательно, существовали и продолжают существовать (в той мере, в какой продолжают существовать сами этносы) специфически этнические ценности.

Не вдаваясь в детали, отметим, что мы принимаем то различие этноса и нации и трактовку их соотношения, которые были предложены Ю. М. Бородаев (см.: /13/). Согласно ему, этнос – это до-национальная

форма общности, которая базируется на системе отношений, которые К. Маркс называл отношениями личной зависимости. В отличие от нации, которая согласно К. Марксу, базируется на системе отношений вещной зависимости, этнос замкнут на себя, а потому и этноцентричен, заиклен на своих ценностях. Принципом отношения между локальными этносами является отношение «мы – они». Разумеется, чем дальше в глубь истории мы обращаемся, тем более замкнутыми являются этносы, и, наоборот, в ходе истории они всё более размыкаются, между ними происходят взаимодействия не только враждебного характера, происходит взаимовлияние этнических культур и – соответственно – этнических ценностей.

Сам этнос вырабатывает собственные ценности в ходе своего развития. «На ранних этапах культурно-исторического процесса, – отмечает З. Н. Сарсенбаева, – ценностные измерения были неодинаково представлены и явны» /10, с. 98/. Некое первоначальное синкретическое ценностное единство постепенно начинает дифференцироваться и конкретизироваться. Выделяются в первую очередь ценности, связанные с организацией социума, с его стабильностью. Разумеется, первоначально они осознаются смутно и принимают в сознании различного рода иллюзорные формы. При доминировании во взаимоотношениях этносов принципа «мы – они», принимающих как мирные, так и немирные формы, имеет место тенденция воспринимать всё своё – формы организации жизнедеятельности, обычаи, традиции, нравы и т.д., включая ценности и ценностные ориентации – как нечто нормальное, соответствующее собственному понятию, тогда как всё чужое – как ложное, извращённое и т.д. Таковой, например, была позиция «номада, с пренебрежением относившегося к земледельческому хозяйству и оседлому образу жизни» /14, с. 231/. Соответствующей была и позиция оседлого земледельца по отношению к кочевнику-скотоводу.

Для периода Архаики вся жизнедеятельность людей разделялась *по ценностной вертикали* на две сферы – на 1) сферу *профанного*, или *мирского*, и 2) сферу *сакрального*. Различались профанное и сакральное пространство и время. Соответственно этому, у них существовало два вида практики: профанная и сакральная. Первая распространялась на всю хозяйственную и прочую сферу жизни, вторая охватывала культы, ритуалы и родственные им феномены. На первых этапах в архаической культуре господствовала не религия, а мифология. Сюжеты мифов разыгрывались в ритуалах. Ритуал был *священнодействием*. Именно сфера сакрального обладала высшими ценностями. Ценностными характеристиками (положительными и отрицательными) были наделены культурно значимые персонажи и сюжетов мифов. На первых стадиях эволюции этноса демаркация между уровнем полезности и уровнем ценности в повседневной – профанной – жизнедеятельности фактически не проводилась. Однако и мирская жизнь в данную эпоху не была свободна от сферы сакрального, хотя

и противостояла ей. По мере того как в архаической культуре возрастает роль религии и оттесняется на второй план мифология, упрочиваются религиозные ценности, которые принимают эстафету от мифологических ценностей.

На смену Архаике приходит общество с классовым и иными расслоениями населения, с государством и другими, обслуживающими государство социальными институтами. Такие социальные образования именуется этногосударственными образованиями. Они уже имеют как горизонтальную, так и вертикальную (причём не только *идеальную*, какой обладает любая общность, но и *реальную*). Такие образования могут быть как моноэтническими, так и полиэтничными. В полиэтнических государственных образованиях положение разных этносов чаще всего бывает неодинаковым. Одни могут занимать более привилегированное положение, другие – менее (особенно те, которые включены в состав образования насильственно, например, вследствие завоевания). Ценностная сфера здесь усложняется, наряду с сакральными ценностями формируются и секулярные ценности, одни из которых формируются в процессе обыденной жизнедеятельности людей, другие же вырабатываются правящими инстанциями и предписываются народу сверху. К числу последних, например, относится ценность власти.

Образование полиэтнических государственных образований – это начало тенденции образования *наций*, национально-государственных образований. Как отмечает Ю. М. Бородай, она «по природе своей полиэтнична, или точнее – *надэтнична* /13, с. 316/. Однако полное формирование наций произошло лишь в Новое время в Западной Европе. Все же прочие образования, существовавшие в истории и продолжающие ещё существовать в мире – *этно-на-ции*, или этно-национальные государства, в которых над-этническая реальность развита различно. И если во всецело оформившихся нациях ценности являются общенациональными, то в этно-нациях существует два уровня ценностей – а) национально-государственные и б) этнические, причём у каждого из этносов, входящих в состав этно-нации, могут быть специфически свои ценности.

В заключение следует несколько слов сказать о *кризисе* ценностей. Это может быть кризис как личностных, так и групповых, в том числе и этнических, ценностей. Примером может быть постсоветская ситуация в ставших суверенными государствами бывших союзных республиках. Каким бы ни был политический режим в Советском Союзе, в нём, тем не менее, у людей воспитывалось чувство коллективности, почитания старших, доверия людей друг к другу. «Доверие, – пишет Ф. Фукуяма, – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-что из этих норм относится к сфере “фундаментальных ценностей” (например, к

пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения» /15, с. 52/. Доверие обеспечивает надёжность и эффективность прилагаемых коллективом усилий.

Курс постсоветских государств, включая и Казахстан, на рыночную экономику радикально изменил ситуацию. Прежние ценности оказались девальвированными. Рынок (особенно в его первых шагах, прозванный «диким» капитализмом) утверждал прямо противоположные ценности: индивидуализм, эгоизм и жёсткий прагматизм, усматривающий в каждом другом конкурента (независимо от пола и возраста) и презумпцию недоверия к нему. Как отмечает З. Н. Сарсенбаева, «вчерашие отрицательные ценности – лицемерие, безнравственность, хитрость, конъюнктурность сегодня становятся характеристиками успевающего человека» /10, с. 131/. В обществе обозначился кризис доверия – одной из значимых культурных ценностей. «Другими словами, – пишет Ф. Фукуяма, – недоверие, распространённое в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность (и, разумеется, не только на экономическую. – М. Ш.) что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится» /160, с. 55/. В таком положении оказались все постсоветские общества, вставшие на путь «дикого» капитализма. Особенно остро данная форма кризиса переживается представителями казахского этноса, в котором на протяжении столетий культивировались и господствовали многие из ставших теперь невостребованными его исконные ценности.

1. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // *Он же*. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – С. 249 – 314.

2. Дробницкий О. Г. Человек, его отношение к окружающему миру и проблема ценности // *Человек в социалистическом и буржуазном обществе*. Симпозиум. Доклады и сообщения. – М.: МФ АН СССР, 1966. – С. 3 – 27.

3. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. – М.: Политиздат, 1967. – 351 с.

4. Дробницкий О. Ценность // *Философская энциклопедия*. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 462 – 463.

5. Леонтьев Д. А. Ценность // *Философский энциклопедический словарь*. – Изд. 2-е. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 732 – 733.

6. Шохин В. К. Ценность // *Новая философская энциклопедия*. – В 4-х т. – Т. IV. – М.: Мысль, 2001. – С. 320 – 323.

-
7. *Розов М. А.* Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 5 – 27.
8. *Батищев Г. С.* Диалектика как логика мировоззрения целостно развитого человека // Материалистическая диалектика как логика. – Алма-Ата: Наука, 1979. – С. 113 – 122.
9. *Хамидов А.* Общая логика соотношения *Я* и *Общества* // *Я* и *Общество*. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – С. 13 – 75.
10. *Сарсенбаева З.Н.* Этнос и ценности. – Алматы: «Колор», 2009. – 306 с.
11. *Гартман Н.* Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.
12. *Абишев К. А.* Идея ценности в свете философской концепции // Власть как ценность и власть ценностей: метаморфозы свободы. – Алматы: КИЦ ИФП МОН РК, 2007. – С. 196 – 269.
13. *Бородай Ю.М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М.: «Гнозис»; «Русское феноменологическое общество», 1996. – 413 с.
14. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевника. – Алматы: Социнвест, М.: Горизонт, 1995. – 319 с.
15. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 733 с.

Шайкемелев М. С.

Этникалық құндылықтар — мәдениеттің атрибуты

Мақалада құндылықтар феноменіне талдау жасалды, сонымен қатар этникалық құндылықтарға жалпы сипаттама берілген. Адам болмысындағы құндылықтар алаңдары анықталған. Құндылықтар этноцентризм сияқты абсолюттік сипатқа ие бола алатыны көрсетілген. Сондай-ақ посткеңестік қоғамдарда орын алған құндылықтар күйзелісі мәселесі қарастырылған.

Shaikemelev M.S.

Ethnic Values as an Attribute of the Culture

The article analyses phenomenon of value, and also common characteristics of ethnical values. Determined spaces of values in human's being. It's shown that ethnical values could acquire character of absolutism, that is ethnocentrism. There is discussion of issue concerning crisis of values, which affected post-soviet societies.